
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Леонид Ханбеков
(г. Москва)

ВИДЕНИЕ И ПРЕДВИДЕНИЕ

Во время работы над книгой-очерком о творчестве Алексея Яшина* я попросил писателя из Тулы прислать нечто вроде расширенной, фактологической автобиографии: как жизненной, так и собственно литературной. С присущей «выпускнику Северного флота», как он себя именует, обстоятельностью Алексей Афанасьевич умудрился и свою биографию представить в форме художественного повествования. В частности, он образно описал историю появления рецензируемого романа** (передаю по памяти, поэтому не закавычиваю). Суть же в следующем.

Как-то в самом конце «эпохи позднего Брежнева», уже украшенного пятью геройскими звездами в два ряда, приснился тогдашнему инженеру-конструктору тульского оборонного предприятия и студенту-заочнику Литературного института им. А. М. Горького Союза писателей СССР головокружительный, но и обстоятельный сон. И еще один существенный момент. Обычно почти все детали сна забываются напрочь, остается только его «укрупненная» тема.

Но в данном случае, во-первых, сам сон оказался построенным как продуманное художественное произведение с ясной фабулой, четким сюжетом и композицией... вплоть до характеристик наиболее колоритных персонажей. Во-вторых, все эти детали сна, даже второстепенные, никуда из головы не уходили до тех пор, пока наш сновидец, потратив пару месяцев вечернего бдения за письменным столом, не перенес все это на бумагу.

Получился роман. Явно с немалой толикой фантазии, но именно той, что принято называть жизненной. Все же автор не решился по провинциальной робости не то что «сунуться» в какое-либо издательство, даже в местное Приокское книжное, но ни словом не обмолвился на занятиях семинара (руководитель Борис Михайлович Зубавин) в Литинституте.

Главное — автор не мог сам себе объяснить: в чем суть аллегории, составившей

* Ханбеков Л. Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина.— М.: «Московский Парнас», 2008 (Серия «Созвездие России»); то же самое см. в книге: Ханбеков Л. Собр. Сч. В 4-х тт. Т. 4.— М.: «Московский Парнас», 2009.

** Яшин А. А. Видение на Патмосе: Роман-предвидение в 6-и частях / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— Москва: «Московский Парнас», 2011.— 407 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

сюжет приснившегося романа? Что символизирует медленное тление-гибель рядового, провинциального же коммунхозовского учреждения? Но как человек любознательный, прочитавший все, что можно было в те годы «достать» из книгохранилища областной библиотеки и домашних собраний друзей-книголюбов из изданий 20-х годов Фрейда, Лебона и их соратников, Алексей Яшин прекрасно понимал: все это не путанная игра сонного разума.

Действительно, сон — это чистая работа подсознания, то есть той гигантской (не по размерам!) вычислительной машины, что и осуществляет все процессы мышления человека. Работает эта машина сама по себе, зачастую не ставя в известность наше оперативное сознание — сиюминутное, вспомогательное.

...И вот у нашего автора его подсознание выдало аллегорическое и грозное предупреждение. Или предсказание — все на основе отображения реальной жизни. Примерно в таком смысле Алексей Яшин и писал в своей беллетризованной автобиографии.

Теперь же, уважаемый читатель среднестарших и старших поколений, вспомним реалии жизни на рубеже 70-х и 80-х годов прошлого века.

Престарелое наше политбюро во главе с дряхлеющим «вторым Ильичем» напугано решающим натиском Запада: от размещения в Европе натовских ракет средней дальности со временем подлета к Москве 15—20 минут. А бывший голливудский актер Рейган в духе продукции «Юнион Пикчерс» запускает мифическую «утку» о создании СОИ — стратегической оборонной инициативы.

Четко улавливающие настроения «бессмертных» советские СМИ нагнетают массовый психоз среди населения СССР. Были ли уже тогда эти самые СМИ подчинены, хотя бы и втемную, агентам влияния Запада? — Сложно ответить, такие концы всегда в воду прячутся. Но ведь никто не объяснял доверчивому народу, что в перспективе натовским ракетам средней дальности уже массовой серией выпускается наша «Ока», детище коломенского академика Сергея Павловича Непобедимого, способная за те же 15—20 минут разнести в клочья все базы НАТО в Европе... Не зря же первой «сдачей» Горби-демократизатора Западу стало уничтожение «Оки» и снятие с должности генерального конструктора Непобедимого — в фарсе «выборов народных руководителей» предприятий.

И на голливудский миф о СОИ, которую в США никто и не собирался создавать, в СССР уже создавалась высокоэффективная антиСОИ*.

...Но никто об этом народу не говорил: СМИ уже загодя «перезагружались», говоря модным сейчас термином, на светлое капиталистическое будущее, а старцы из политбюро, как и все животные, становились все трусливее год от года.

Но все же наибольшую тревогу и неуверенность в своем будущем народ испытывал, интуитивно ощущая в наметившихся внутри страны тенденциях. Это сдвиг мотива на цель, говоря языком психологии, в части роста частнособственничества, накопительства и потребительства. Советский народ выдержал все невероятные испытания, но не смог устоять перед соблазном сытости 70-х годов и на глазах менял свой ориентир от коллективизма к сугубому индивидуализму.

Поэтому совершенно неудивительно, что автор предваряемого нами романа, подсознательно анализируя эти невеселые тенденции, и отобразил все это в своей художественной аллегории. Более того — спрогнозировал рост тенденции разрушения до наших дней и, чего бы не хотелось, на последующие годы.

Что еще стоит сказать читателю, открывшему эту книгу? Аллегория автора столь ясна, прозрачна и незатуманенна, что автор не считал нужным менять реалистический антураж сюжета, то есть переименовывать контору в офис, столоначальников в ме-

* Это опять же по авторитетному мнению Алексея Яшина: свои две первые диссертации — кандидата и доктора технических наук — он защитил в ведущем московском авиационно-космическом институте, где был привлечен к названной тематике, даже стал тогда автором нескольких «закрытых» изобретений...

неджеры и так далее. А зачем? — Неужели что-то существенное, исключая порчу русского языка американизмами, изменилось за последнюю четверть века в сознании и бытии обычного человека? — Простого — по советской терминологии, обывателя — по нынешней... Разве что еще доселе невиданное в мире диспропорциональное разделение на сверхбогатых и сверхнищих? — Но это лишь один из признаков всеобщего разрушения в социальном плане.

...Как всегда в книгах Алексея Яшина, очень к месту иллюстрации. Здесь на контрасте: что строили и что получили в результате проигрыша СССР в Третей (информационной) мировой войне, завершившей очередной этап мировой истории. А что дальше? — Надо постоянно держать в уме римскую формулу: «Ганнибал у ворот».

«ОТ ТРУДОВ ПРАВЕДНЫХ...»

Перед вами, уважаемый читатель современной русской литературы — именно литературы, а не коммерческой печатной жвачки, — двадцатая по счету, в определенном смысле юбилейная, книга* известного писателя-прозаика из Тулы, моего коллеги по руководству Академией российской литературы, главного редактора «толстяка» «Приокские зори» Алексея Яшина.

Уже не первый год он публикует свои новые произведения в нашем издательстве Независимого литературного агентства «Московский Парнас»... И традиционно предисловия к книгам Алексея Яшина «достается» писать вашему покорному слуге. Причем дело здесь не только и не столько в личных дружеских отношениях и деловом, литературном конечно, сотрудничестве по линии редактируемых нами периодических изданий — журнала «Приокские зори» и альманаха «Московский Парнас». Дело как раз в ином. Позволю себе немного «пофилософствовать».

В сложной, не хуже придворного церемониала, веками выработанной иерархии тружеников пера — они же избранники Муз — есть множество градаций: от коллежских регистраторов литературы «начинающих» и «подающих надежды» до высочайших титулов и определенных таланта. И вот где-то между литературными коллежскими ассессорами и статскими советниками наличествует титул писателя самобытного. С одной стороны, он несколько обтекаемый, с другой — что-то таинственно сокрывает.

...Это как безымянный палец на руке: вроде как не имеет родового наименования, но зато не участвует в сложении обидного кукиша, а главное — женщины именно на нем носят самую большую свою драгоценность: обручальное кольцо, а лауреаты журнала «Форбс», как любит повторять Алексей Яшин, на нем же демонстрируют «гайки с брюликами» из разворованного в 90-х годах Гохрана...

Не такой он простой — безымянный палец! Именно через него человек обручается на всю жизнь, а если кольцо ассоциировать с литературой, то это символ обручения с ней. Так и «самобытный писатель» — определение литератора от-самого-быта, то есть особым, отличительным образом обручения с художественной словесностью, более того — и обреченного быть-стать писателем.

К таким самобытным с полным правом следует отнести и Алексея Яшина. Потому и писать предисловия к его книгам не просто интересно, но это есть и познавательный творческий труд. Именно труд, а не работа — слово, вообще говоря, сомнительного достоинства: раб работает, а творческий человек именно трудится... Однако — от философствования — к делу.

Если предыдущие книги Алексея Яшина, его романы, повести, циклы «рассказов Николая Андреевича», есть, по-преимуществу, «взгляд со стороны позитива на негатив», то «Квадратная пустота» разнообразит сюжетные ходы в арсенале художе-

* Яшин А. А. Квадратная пустота: Роман-новелино / Предисл. Л. В. Ханбекова: академия российской литературы. — Москва: «Московский Парнас». — 2012. — 372 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ственных средств автора. Здесь все наоборот: статус главного героя романа получает что ни на есть самый отъявленный «негатив» нашего времени: представитель нынешнего господствующего класса — нувориш, чудовищное порождение запоздалой в рамках мировой истории эпохи первоначального накопления капитала.

Зачем автору понадобился столь радикальный прием? — А все за тем же, для достижения максимального эффекта художественного отображения действительности, вовсе не балующей нас избытком позитивного начала... и продолжения тем более.

В рамках художественного метода критического реализма, свято исповедуемого Алексеем Яшиным,^{*} это весьма действенный прием, причем хорошо и добросовестно апробированный в классической русской и советской литературе. Достаточно вспомнить, что называется навскидку, «Угрюм-реку» Вяч. Шишкова с его колоритным образом Прохора Громова, романы и пьесы А. М. Горького, произведения Чаплыгина... Да разве всех зараз переберешь?

...Как говорится, прием и обстоятельства его приложения те же, но с поправкой на другое время, относительно которого уже за двадцать лет бытует характерная приписка: были времена потруднее, но не было подлее... По другому и не скажешь.

Если для того же Прохора Громова существуют и активно воплощены в его характере такие нормативные человеческие качества, как любовь, семейственность в определенном смысле, потребность человеческого общения, тяга к практическим знаниям, контролирующая самооценка, видение смысла своей бурной деятельности — правда, до определенного же момента, то для героя «Квадратной пустоты» все это ветошь, артефакт былой, ненавидимой им жизни, а все окружающее его — нуль, пустота. Откуда и название романа.

Это герой со многими отрицающими приставками «анти» есть воплощение взбесившейся мелкобуржуазной биомассы, вырвавшейся из-под семидесятилетнего санитарного спуда и злоопухолью растекшаяся по 1/6 части земной суши. Это определение Алексея Яшина, образности которому не занимать.

...Читая «Квадратную пустоту», припомнил, что автор ранее уже опробовал этот сюжетный прием, а именно в рассказе «Вор у вора...», вошедший в книгу «В час волка». Понятно, что рамки рассказа, хотя бы и по-лесковски пространный, не позволили Алексею Яшину в полной мере реализовать этот сюжетно-характерный ход. Что же, такова диалектика писательского творчества в раскрытии довлеющей над ним идеи: от малых «пробных» форм к выстраиванию законченной композиции романа, который был и остается высшим воплощением прозаического жанра. Что бы там не говорили об окончании романной традиции в век интернетовского околотекстурного мусора (мнения Лимонова и многих других).

...А можно и проще, без литературной терминологии сказать: новый роман Яшина о том «грядущем хаме» (по Д. С. Мережковскому), что уже стал самодовлеющей явью нашей жизни. Вот такие-то «господа из подворотни», вожак и маяк устремлений столь лелеемого нами среднего класса, и правят бал в нашей разворванной стране. Ладно — разворовали, в русской истории воры всегда, исключая сталинские времена, были в законе. Нам — стать не привыкать. Но сегодняшней хам еще и культуру опустил до помоечного уровня (см. рассказ того же автора «Коллоквиум на помойке» в «Московском Парнасе» № 2, 2011), науку с промышленностью, а равно образование и сами умственные способности некогда великого народа, свел почти к абсолютному нулю.

Что ни говори, как не мечтай о возвращении общества социальной справедливости и гармонии, но страной правят эти самые господа из подворотни. Правят в том, реальном смысле, что все государственное устройство, вся пресловутая демократиче-

^{*} Заметим: исповедуемый Алексеем Яшиным не только в творческой практике, но и как предмет теоретизирования; см. его «Манифест нового русского критического реализма» («Приокские зори» № 1/2011).

ская надстройка служит им в своих законах. А не менее пресловутый средний класс — это та питательная среда мелкобуржуазной биомассы, человеческого навоза, из которой и выходят «в люди» эти самые «грядущие хамы», гигантские навозные мухи со стократ усиленным инстинктом бездумного накопительства.

И возникает естественный вопрос: а что за душой, вернее — неким ее подобием, у этого героя-гегемона наших дней? Вот такой вопрос и задал себе Алексей Яшин. И попробовал ответить в «Квадратной пустоте».

А зачем? Какова здесь сверхзадача? — Просто надо помнить: лишь немногие люди живут и действуют по стоическому принципу моральной самооценки: мне не важно, что думают обо мне другие, но мне важно, что я сам о себе думаю. Но большинство же чутко прислушивается к мнению других о себе. А уж как хочется так называемому простому человеку знать: а что думает о нем, хотя бы и обезличенном, типичный хозяин новой жизни? Вот об этом-то и роман.

Контрвопрос: а зачем ему, усредненному, знать мнение о своей невеликой персоне «со стороны» сильных мира сего? — Но ведь на то он и человек общественный, коллективный, даже в таком вот раздраенном коллективе-социуме, где один лопают от пуза бублики, а другому достаются одни лишь дырки от таковых.

Так ему-то, дырочно-бубликовому, безразлично: а за кого его держат нынешние гегемоны такой удобной одним, но крайне неудобной для масс-медиа, жизни? — Ведь человек XXI века все же не овца, которой, в общем-то, безразлично: волк ли ее сожрет, или хозяин-джигит скушает ее мясо в шашлыке либо бешбармаке...

Хочется сразу остеречь читателя от двух предвкушений от чтения романа. В нем нет живописных картин в стиле сериалов о «волчьих девятых» и вообще отсутствует детективная канва. Все же писатель Алексей Яшин если не выше (это от упреков в самонадеянности), то уже точно в стороне от пиаровской, заказной и прочей глянцево-беллетристики.

И второе: не следует особо настраиваться на социально-протестную ноту при чтении «Квадратной пустоты». Это не сверхзадача, даже просто не задача автора. Просто он следует основному содержанию творческого метода критического реализма: писатель всегда по определению находится в оппозиции к власти имущим. Но — как подчеркивает Алексей Яшин в упомянутом выше «Манифесте» — в оппозиции именно конструктивной. И еще один, но весьма существенный момент, — не зря автор проекта «Манифеста» соотнес его с «новым русским критическим реализмом». Именно новым, учитывая, что базовая цель и задача современного критического реализма есть борьба с фактором расчеловечивания, увы, главной опасностью для современного человека. Неважно, где он живет: на зажравшемся Западе, голодной Африке, бушующей «исламской дуге», в небывало социально дифференцированной России, в Китае, сейчас непонятно с каким социально-экономическим и политическим строем...

И в этом расчеловечении уже не важны строй, религия, история и традиции. Просто мировая эволюция вплотную подошла к реальному глобализму, где уже любой человек — винтик. Или гайка — кому как нравится.

Вот это и есть стержень романного действия. Да и само его название слишком прозрачно: ведь гениальность «Черного квадрата» (при всем нашем осторожном отношении к модернизму) состоит не в вековой запиаренности, не в образцово-показательной рыночной оценке, не в неиссякаемом интересе Запада к русскому авангардизму в живописи первой четверти XX века.. Нет, наивная гениальность (а разве она бывает иной?) этой незамысловатой картины-символа в том, что она олицетворяет бездонную пустоту отчаяния человека, не понимающего: для чего он живет? Но это и не пустота «Аленушки у омута», нет, Аленушкина пустота отчаяния еще сможет обернуться надеждой. Горе забывается. Но вот квадратная пустота надежды не сулит. Такая вот символика названия романа... Только ли романа? — А может и всей нашей нынешней жизни?

«ИЗ АЛЬБОМА ПАМЯТИ МОЕЙ...»

Рассказ о сборнике «Стихи разных лет»* Никандра Rassvetova** хочется начать словами самого же автора: «Немножко моих стихов, немножко моей души, немножко моей жизни... Книга издана в Израиле... Живу здесь, но говорю, пишу, думаю и чувствую по-русски. Что делать — я весь оттуда...» Этим многое сказано. Об этом и стихи.

Стихотворения автора — это и любовная, и пейзажная, и философская лирика. Звучат и христианские мотивы. Но самая сильная мелодия поэта в его симфонии любви к жизни — все же ностальгия, тоска по России, по родным астраханским местам, по детству и молодости, по друзьям — по всему тому, что осталось там и тогда.

*Желтый лист, как ранняя сединка,
На листве июльских тополей.
Сердцу милая, поблекшая картинка
Из альбома памяти моей...*

(«Желтый лист, как ранняя сединка...», с. 32)

*...И как летний день кристально ясен,
Как шуршит осенняя листва,
Как заснежен, тих и как прекрасен
Вечер накануне Рождества...*

(Голубь, с. 11)

*А мне милей провинциальная Россия,
Далеких улиц, палисадников привет.
Швыряет полдень листья золотые...
Ах, как мне хочется, как жаль минувших лет!..*

(«А мне милей провинциальная Россия...», с. 109)

И где-то даже звучит убеждение, что все в жизни уже давно и безвозвратно позади.

*...Отцвело, отбегалось, отпелось...
И не будет больше ничего.
Золотая, яблочная спелость —
Ароматы детства твоего...*

(«Рухнули последние надежды...», с. 29)

Но сердце поэта наполнено равнодушием ко злу, которое было и остается таковым и в России, и везде в мире.

* Никандр Rassvetov. Стихи разных лет.— Лод: Типография «Semel», Израиль, 2011 г.— 122 с.

** Никандр Rassvetov (Евгений Коперник) родился в СССР в г. Астрахани в 1962 г. Жил в разных регионах России. С 1998 г. в Израиле.

*...Ну а двести миллионов цепей
Держит потный, мохнатый кулак...*
(«У ста тысяч красивых людей...», с. 38)

*...Тяжел у Земли ее крест,
И горы свернув в океан,
Свой вой вознося до небес,
Ревет торжествующий хам...*
(«Идет по планете Земля...», с. 17)

Такая позиция не случайна, ибо в основе лежит привитая в детстве мораль и любовь к людям.

*...Сумей уберечься от грязных дорог,
Успей запастись терпением впрок...*
(«Спасайся, кто может...», с. 28)

Мы не знаем, к какой религиозной конфессии принадлежит Никандр Rassvetov (а если без псевдонимов, Евгений Коперник), но то, что он в глубине души христианин, видно из следующих строк:

*...Ты прости ее, Господи,
Как прости Магдалину,
Ты пусти ее, Господи,
В эту малую дверь,
Только Ты можешь, Господи,
Судить Магдалину,
Неоплаканный образ
Невозвратных потерь.*
(«Мадалина Маноли...», с. 51)

В целом сборник производит благоприятное впечатление, читается с интересом и легко. Надеемся, что поэт станет постоянным автором журнала «Приокские зори».

Ярослав Брагин (г. Тула)

ГДЕ ЧИТАЮТ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»: ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА СИЭТЛА

Публичная библиотека Сиэтла — центральная в библиотечной системе, обслуживающей г. Сиэтл (штат Вашингтон, США). В нее входят 26 филиалов, а также мобильные библиотеки, Вашингтонская библиотека говорящих книг и Брайлевская библиотека. Первая же официальная библиотека в городе открылась в 1890 году. Все эти библиотеки, за исключением одной, были созданы при поддержке деятеля и филантропа шотландско-американского происхождения Эндрю Карнеги, на гранты которого построено более 2500 библиотек в разных странах мира.

Центральная библиотека Сиэтла открылась в 2004 году. Основные авторы проекта — Рем Кулхас и Джошуа Принс-Рэмус. Это уже третье по счету здание центральной библиотеки в этом месте. Оно уникально по внешнему виду — состоит из нескольких самостоятельных «плавающих платформ», как бы заключенных в крупную стальную сетку, наброшенную на стеклянную «кожуру». Здание имеет 11 этажей общей высотой 56 метров. Его площадь — 34 тыс. кв. м, вместимость — 1,45 млн. книг и других материалов. Имеется общественная подземная парковка на 143 машины и более 400 общедоступных компьютеров.

Новая библиотека — несомненный местный ориентир — вырисовывается на фоне неба. Она втиснута в компактный, но сложный объем, состоящий из трех горизонтальных частей — иконографическая отсылка к геометрической простоте. Все здание охватывает единообразная, но при этом поделенная на секции оболочка, причем объемы, составляющие здание, отвечают уклону местности между 4-й авеню и Мэдисон-стрит: он многократно повторяется в дизайне здания, прорисованный в местах соединения основных частей постройки.

Здание отличается характерной скульптурной конфликтностью, которая переопределяет взаимодействие между читальными залами и мультимедийными зонами. Она словно наделяет новым смыслом технические носители информации, которые теперь воспринимаются как эквивалент и дополнение традиционных печатных носителей.

При проектировании здания были учтены новейшие высокотехнологичные возможности передачи информации. В результате библиотека стала информационным центром для пользователей всех возрастов. Здесь можно не только прочитать книгу, но и расширить свои знания многими другими способами.

Информация, предназначенная для посетителей, распределена в библиотеке по восьми этажам, горизонталы которых сменяются свободным «течением» поверхности здания. Эта поверхность — «физическая аккумуляция движения» — развивается линейно и формирует ощущение гибкости зон библиотеки, которые воспринимаются как часть городской среды и достаточно податливы, чтобы приспособиться к спонтанным функциональным изменениям.

Мастерская организация пространства и движения, задуманная на основе аналогий, создает взаимодействие между различными тематическими зонами. Например, порядок расположения книг обозначен на полу рядом с полками при помощи цифровых кодов.

В течение первого года библиотеку посетило свыше двух миллионов человек. Начиная с 2006 года, проводятся архитектурные экскурсии по зданию. В 2007 году по результатам голосования здание заняло 108-е место в рейтинге 150 любимых сооружений США, составленном Американским институтом архитекторов. В 2005 году здание получило Национальную премию Американского института архитекторов.

Материал подготовил Ярослав Бразин